

ЭЙНАРОВИЧ Л. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЭЙНАРОВИЧ Леонид Андреевич, родился в 1879. Окончил четыре института (физико-математический, технической математики, инженерно-строительный и механический). С 1904 — преподаватель математики и астрономии в старших классах училищ, с 1915 — помощник заведующего техническим надзором на строительстве коммерческого порта в Николаеве Херсонской губ. В 1917 — на военной службе в лейб-гвардии гренадерском полку, с 1918 — служил в Комитете Военно-Технической помощи Тамбовского района, с 1921 — читал лекции по высшей математике и теоретической механике в институтах Ленинграда, профессор. 22 сентября 1927 — арестован, 16 января 1928 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Красноярский край¹. В мае 1928 — прибыл в Енисейск, работал техником в учреждении, затем инженером в Коопстрое. С 16 августа проживал в Игарке, работал заместителем технического руководителя Лесозэкс-порта. С декабря 1929 — проживал в Тюмени, профессор и заведующий кафедрой высшей математики в Уральском автодорожном институте, с 1930 — преподавал физику и химию в Енисейской трудовой школе. В августе 1930 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<26 августа 1930>

«Искренно уважаемая Екатерина Павловна ПЕШКОВА!

Прошу Вас очень срочно выхлопотать разрешение чрез ОГПУ на въезд в Ленинград для устройства дел. Моя квартира, а главное — научная библиотека (около 4500 ценных книг) и мои научные работы в рукописном виде, все это в беспорядке было свалено дворником д<ома> № 1 по Литейному пр<оспекту> в Ленинграде в сарай, частью расхищено; то была новая моя квартира, на которую я перевез часть своих вещей, большая часть которых, а также обстановка, одежда, белье и пр<очее> остались в прежней квартире (Ленинград, Английский пр<оспект>, ныне Маклина, д<ом> № 40), где и были опечатаны, т<ак> к<ак> я неправильно попал в проскрипционные списки ОГПУ в июне 1927 года (в период убийства пол<номочного> пред<ставителя> Войкова в Варшаве, взрывом в Деловом Клубе, разгроме здания Полпредства в Пекине). Я был вызван свидетелем по чужому делу (по делу П. М. Колтового), но не явился, уехав на дачу. Тогда моя квартира была опечатана, а я был арестован 22 сентября 1927 года в Ленинграде, продержан в ужасных условиях, в сыром помещении Д<ома> П<редварительного> З<аключе-ния> в Ленинграде (со стен и потолка текло, на полу вода), камера одиночная, не отапливаемая, без передач и свиданий; постоянные угрозы следователя расстрелять и одновременно обещания освободить, словом, полный шантаж... Соблазнившись на освобождение, я сказал кое-какую ничего не значащую ерунду (она может быть опровергнута); по существу же я невинно пострадал, причем, пострадало и мое здоровье и особенно зрение — камера была с затемнением и с искусственным приспособлением для разведения сырости. Как свидетель (о соучастии моем не могло быть и речи), я ничего не знал, да и все дело было выдуманым, попросту, следователь посадил пятерых человек и держал их с 7 июня; кое-какие, в сущности невинные факты, под напором следователя, я притянул в виде намеков и за "рога" против Алтмировой, уехавшей в Ригу к мужу, и потому ликвидировавшую свою обстановку в Ленинграде; за обстановку она получила валютой, т<ак> к<ак> это было в период ден<ежных> знаков,

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 272. С. 117-127об.; Д. 394. С. 156.

(кажется, в 1922 — 1923 г^одах>). Об этом я знал, и почти ничего больше. Конечно, следователь о получении за обстановку валютой запомнил, и дело оказалось в шляпе. Я знаю, что старший следователь Ленин<градско>го ОГПУ Васильев отказался вести это дело, но мой следователь, скрывший от меня свою фамилию, взялся, и т<ак> к<ак> оказался в дурацком положении, склонил меня посодействовать ему выйти из глупого положения, действуя угрозами (расстрелять меня и брата, брата за хранение оружия, — германских винтовок, которые были на стене, брат, впрочем, даже арестован не был). В результате следователь меня не освободил и, хотя ст<арший> пом<ощник> прокурора по надзору за орг<анизацию> дознания ОГПУ Владимиров 27/XII - 1927 мне и сказал, что за мною вины нет, но тем не менее мне полезно попреподавательствовать в Сибири. Он со мною тогда беседовал около 2-х часов о значении математики, астрономии, техники, да и сообщил о смерти Бехтерева (как и я, ожидал освобождения). И вдруг без свиданий я оказался по постановлению Ленинградской коллегии ОГПУ от 15 января 1928 года высланным в Сибирь с 26 января 1928 года. Пробыл в пути с 26 янв<аря> по 31 мая 1931 года, ехал в клетки в ужасных условиях, был обворован, от истощения помещен на больничный паек в Красноярском изоляторе. В Енисейске поступил на должность городского техника, будучи инженером, причем, на улице 27-го августа был ранен двумя хулиганами (24 раны в голову, две до костей, в живот, в артерию левой руки, причем, потерял 8 стаканов крови) <...> служил инженером в Енисейском Коопстрое, а с 16 августа по 19 октября 1928 года был заместителем технического руководителя Лесоэкспорта в Игарке (за полярным кругом экспортный порт), где в сверхурочном порядке руководил погрузкой леса на иностранные морские суда с разрешения местного ОГПУ Карской экспедиции тов<арища> Тарутто; следователь меня заставил подписать обвинение (без материала) по ст<атье> 58, п<ункт> 4, а постановление Коллегии было по статье 58, пункт 6. В 1930 году я служил преподавателем физики и химии в Енисейской трудшколе.

С 20 декабря 1929 года состою в должности профессора, заведывающего Кафедрой высшей математики при Уральском Авто-Дорожном Институте в г<ороде> Тюмени. Работал я всегда сверх-добросовестно, с 8 ч<асов> утра до 11½ часов ночи, имея перерыв для обеда на 25 минут и без выходного дня.

Я всегда в таком сверхударном порядке работал с 1919 года. И за это я и поплатился.

Посоветуйте, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, как мне реабилитироваться, и могу ли я надеяться на справедливость? Я всю жизнь работал научно, окончил 4 высших учебных заведения. Следователю вздумалось меня "пришить к чужому делу", т<ак> к<ак> мое собственное "дело": случайное хранение (принесла знакомая дама, по фамилии Трофимова, испорченную германскую винтовку в 1919 году для сдачи в Комиссариат чрез меня, но в мое отсутствие, вот эта-то винтовка и была найдена, а за хранение ее в 1927 году следователь меня и привлек, но так как по манифесту Октябрьской революции я попал под манифест, за "хранение" испорченной винтовки, принесенной в мое отсутствие, то следователь "пришил" меня к чужому делу. В результате — ссылка на 3 года, + минус шесть с прикреплением.

Мне необходимо приехать в Ленинград, чтобы взять свои научные труды и книги, имущество, а также выполнить научного характера командировку, на личные дела мне Институтом дается отпуск по 1 октября, а научная командировка в Ленинград и Москву с 1 по 15 октября 1931 года.

Не откажите, добрейшая Екатерина Павловна, оказать свое содействие в деле разрешения на въезд в Ленинград и Москву <по 15> октября

1931 года и, кроме того, будьте добры указать пути, по которым я должен идти, чтобы не только меня освободили от минуса шесть, но и вполне реабилитировали, как действительно невинно пострадавшего научного работника.

На ответ прилагаю марки.

Вперед благодарю за исполнение просьбы, простите за длинное письмо.

Заведующий кафедрой Высшей Математики при
Уральском Авто-Дорожном Институте,
Инженер-механик, Инженер-Педагог, Профессор
Леонид Андреевич Эйнарвич.

Адрес мой: г<ород> Тюмень Уральской области. Телеграфная улица, д<ом> №10. Общежитие Профессоров Уральского Авто-Дорожного Института. Леониду Андреевичу Эйнарвич.

26 августа 1930 г<ода>.

Срочно»².

24 января 1931 — Леонид Андреевич Эйнарвич телеграфировал Екатерине Павловне Пешковой.

<24 января 1931>

«Москва, Куз<нецкий мост> 26 ПЕШКОВОЙ

ОТВЕТ ОПЛАЧЕН 85 ДВА АДРЕСА МОСКВА ОГПУ КОПИЯ КУЗ<НЕЦКИЙ МОСТ> 26 ПЕШКОВОЙ — ЗАЧИСЛЕН ПРОФЕССОРОМ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ АВТОДОРОЖНОМ ИНСТИТУТЕ ТЮМЕНЬ ГДЕ ЗАНЯТИЯ ЗАТОРМОЖЕНЫ МОИМ ОТСУТСТВИЕМ ТЧК ПРОШУ СРОЧНО СОДЕЙСТВОВАТЬ РАЗРЕШЕНИЮ ЧЕРЕЗ ОГПУ ВЫЕЗД ТЮМЕНЬ КАК ОКОНЧИВШЕМУ ССЫЛКУ 22 СЕНТЯБРЯ 1930 ТЧК КРАСНОЯРСКОЕ ОГПУ ЗАПРОСИЛО МОСКОВСКОЕ 10 НОЯБРЯ — ПРОФЕССОР ЛЕОНИД АНДРЕЕВИЧ ЭЙНАРОВИЧ»³.

На письме — помета секретаря Помполита:

«Отв<ет> т<елеграм>мой: справка ОГПУ. <В> Красноярск послано извещение разрешения Вам выезда <в> Тюмень как отбывающему минус».

В 1932-1933 — Леонид Андреевич Эйнарвич еще трижды обращался в Помполит за помощью⁴.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 586. С. 10-13. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 586. С. 7. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 770. С. 99; 946. С. 84-85; Д. 947. С. 87-90.